

КРАЕВЕДЕНИЕ

Г.В. МУРЗО

Под северным небом Ярославля: К.Д. Бальмонт

Статья в значительной мере построена на местном архивном материале, актуализирует его. В центре внимания автора – связь знаменитого поэта с Ярославлем. Цель – осмыслить ее как наследуемую нами культурную ценность, подчеркнуть личную заслугу в том сотрудничавшего с К.Д. Бальмонтом книгоиздателя К.Ф. Некрасова.

The article is generally based on local archival material and updates it. In the center of the author's attention – contacts of the well-known poet with Yaroslavl. The purpose – to comprehend it as a cultural value inherited by us, to emphasize a personal merit in that of the publisher K.F. Nekrasov cooperated with K.D. Balmont.

Цель статьи – сделать предметом внимания связь К.Д. Бальмонта¹ с Ярославлем, личный и творческий контакты с книгоиздателем К.Ф. Некрасовым², вклад в формирование духовной атмосферы города.

---

¹ Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942) – поэт, переводчик, представитель раннего символизма в России.

Родился в дворянской семье; место рождения – усадьба Гумнищи Владимирской губернии. Влюбленный в природу, источник вдохновений, Бальмонт вспоминал: «...Еще в самом начальном детстве я глубоко проник в красоту лесов, полей, болот и лесных рек, которых так много в моих родных местах». Здесь открылись ему «миры впечатлительности»: «Холодная высь, уходящие дали... Луга убегают далеко-далеко...» [3. С. 185]. Стихи начал писать очень рано: они плясали в его душе, «как стеклокрылые стрекозы-коромысла» [3. С. 246-247].

Из Шуйской гимназии был исключен за участие в антиправительственном кружке. Продолжил учебу в Владимирской гимназии, на юридическом факультете Московского университета, в Ярославском Демидовском лицее. Университетского обучения не завершил, но благодаря трудолюбию и уникальным способностям стал одним из самых эрудированных людей своего времени, владел более чем десятью иностранными языками. Самообразование и исследовательская деятельность сопутствовали ему всю жизнь.

Много путешествовал, вольно и невольно подолгу жил за границей, приобщаясь к эстетическим и умственным интересам Англии, Франции, Испании, Италии; был проводником западной культуры в России.

² Константин Федорович Некрасов (1873-1940) – ярославский интеллигент (из дворян, образование получил в Московском кадетском корпусе). Ко времени знакомства с Бальмонтом за его плечами был опыт земской работы и членство в I Государственной Думе, где он представлял партию кадетов. После трехмесячного заключения за антиправительственную пропаганду и запрещения на общественно-политическую деятельность сосредоточил усилия в области культурного строительства, став соучредителем газеты «Голос» и успешным книгоиздателем.

Внешне эта связь определена двумя датами: в 1890 г. в Ярославле была напечатана первая книга Бальмонта, а через 25 лет здесь же увидел свет его юбилейный сборник стихов «Ясень». Увенчанный славой поэт усматривал в том путь провидения. Жизнь, запечатленная на бумажном листе³, позволяет нам восстановить отдельные фрагменты этого пути.

Специальная задача – выявление ракурсов, под которыми по частям и в целом рассматривалось творчество поэта его современниками, в том числе подавалось им самим: ракурсные изменения в виде масштабных контрастов, неожиданных поворотов, необычных перспектив.

В предисловии к «Собранию стихов» 1905 г. Бальмонт так говорил о собственном творчестве: «Оно началось с печали, угнетения и сумерек. Оно началось под Северным небом, но силою внутренней неизбежности, через жажду Безграничного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины подошло к радостному Свету, к Огню и победительному Солнцу» [9. С. 277].

В. Брюсов, друг-соперник, соратник по перу, поклонник и критик Бальмонта, в духе

Эстет с задатками коммерсанта и громкой литературной фамилией (он племянник знаменитого поэта), К.Ф. Некрасов привлек к сотрудничеству в московско-ярославском издательстве виднейших писателей, поэтов, исследователей искусства. Наделенный даром общения и восприимчивый к слову, К.Ф. Некрасов был с ними в активной переписке, ставшей красноречивым свидетельством русской культуры начала XX века.

³ В основу статьи положены материалы Государственного архива Ярославской области: автографы писем поэта, газетные публикации, сохранившиеся документы «Книгоиздательства К.Ф. Некрасова».

полемики тех лет соглашался и возражал, обращая метафору взлета в метаморфозу: «В течение десятилетия Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией ... Чуткий слух мог уловить необычную гармонию уже в первом сборнике стихов Бальмонта “Под северным небом” (1894). Вторая книга, “В безбрежности” (1895), показала нам, как разносторонне дарование Бальмонта. Третья, “Тишина” (1897), явила его как исключительного мастера стиха, обновившего и переродившего его для русской поэзии. Высшей точкой, которой достиг Бальмонт в своем победном шествии, были “Горящие здания” (1899). Это – вершины, уходящие в ясную лазурь, это – льдистые венцы, горящие золотом на рассвете и пламенем перед закатом. За ними раскинулось высокое и гордое плоскогорье, с широкими кругозорами и свежительным разреженным воздухом, залитое чистым неумолимым светом; книга “Будем как солнце” (1902). Со следующего сборника, “Только любовь” (1903), начинается уже спуск вниз, становящийся более крутым в “Литургии красоты” (1905) и почти обрывистым в “Злых чарах” (1906). Еще дальше следовало бесспорное падение...» [9. С.283-284].

В процитированной и других статьях В. Брюсов, более прочих писавший о Бальмонте, характеризовал различные грани его поэзии, называл все про и contra, обращаясь к перечисленным и каждой следующей книге поэта. Переключку с В. Брюсовым легко уловить в строгой оценке Бальмонта А. Белым [5. С 366-374] и нелицеприятных высказываниях А. Блока [7. С. 289-292].

А. Белый выделял сборники: «В безбрежности» и «Тишина», уводившие читателя «в мистицизм туманов, камышей и затонов, затерянных в необъятности северных равнин», и говорил о них восторженно, сравнивая с серой чайкой, уподобляя песне северных лебедей [5. С. 366-367]. Через еще «дразнящую» книгу «Будем как солнце» он обращался к разочаровавшей его книге «Горящие здания» и, не останавливаясь на других, завершал рассуждение сборником «Только любовь»: «Чудесные строчки есть в “Только любовь”; но все лучшее, как попури из Бальмонта»; а далее – серия книг, «утопляющих жемчуг искусства в воде» [6. С. 240].

А. Блок в газете «Речь» вынес публичный приговор: «Есть замечательный русский

поэт Бальмонт, а нового поэта Бальмонта больше нет» [7. С. 292].

Это значило, что поэзия эволюционировала, а Бальмонт, исполнивший свою миссию, «как прощальное солнце, сиял с горизонта». Так А. Белый, продолжая игру с метафорой, вертикаль современности заменял исторической горизонталью [6. С. 240].

В. Брюсов, доведя свой анализ до 1911 г., формулировал по сути тот же вывод, не исключая, впрочем, и будущих творческих взлетов: Бальмонт – писатель «высококультурный, с большим запасом знаний и впечатлений, с неутомимой жаждой учиться и жить»; он еще может дать немало книг, в которых будет много нового и интересного; как дивный мастер стиха он все еще не знает себе равных среди современных поэтов, но облик его определился вполне и главное он уже сказал [9. С. 299].

Позже период с 1905 г. до 1915 г. исследователи поэзии Бальмонта назовут «скудным десятилетием». Именно на него приходятся годы сотрудничества поэта, эмигрировавшего во Францию после первой русской революции, с книгоиздателем К.Ф. Некрасовым. Их знакомство состоялось в 1911 г., и посредником выступил В. Брюсов.

В планы К.Ф. Некрасова входило издание как отечественной, так и зарубежной литературы. Возможно, он ориентировался на издательства «Скорпион» и «Мусагет», где было переведено невиданное количество произведений мировой литературы, что позволило А. Белому сказать в статье «Проблемы культуры»: «Мы переживаем ныне в искусстве все века и все нации».

Знания и вкусовые предпочтения работавших с К.Ф. Некрасовым авторов играли немалую роль в реализации его обширной программы, отражая при этом характер их взаимодействия с художественным миром. Это прослеживалось и на примере Бальмонта, которого издатель привлекал к работе в качестве переводчика.

Известность талантливого переводчика пришла к Бальмонту если не раньше, то вместе со славой гениального поэта и признанного литературного мыслителя. Начав с поэтических текстов, он переводил и работы европейских специалистов в области культуры, историю скандинавской и итальянской литературы, редактировал перевод популярной в

России истории живописи Р. Мутера, а также читал лекции об английской и испанской драматургии XVI и XVII веков. на родине и о русской поэзии в Оксфорде, чем импонировал даже «ворчливой» критике.

К.Ф. Некрасов интересовал Вебстер. Связанный переездами, Бальмонт «не тотчас» откликнулся на предложение издателя, за что приносил извинения в ноябрьском письме к нему из Парижа. Вебстера⁴ согласился переводить с удовольствием. Но, собравшись отправиться в путешествие на год, предлагал перепоручить перевод «Герцогини Амальфи» Ю.К. Балтрушайтису⁵, обосновавшемуся в Швейцарии. Выразив уверенность в том, что К.Ф. Некрасов знаком с творчеством литовского поэта, признавался, что предварительно уже переговорил с ним, вполне расположенным к новой работе. При этом «Белого Дьявола» Бальмонт закреплял за собой, пообещав доставить через год.⁶

Пока же К.Ф. Некрасову была послана переведенная Бальмонтом «Трагическая история доктора Фауста» Кристофера Марло⁷ – первая драматическая разработка известного замысла, в которой образ, созданный легендой, был героически приподнят, романтизирован.

Письма раскрывают Бальмонта как обаятельного собеседника, в целом подтвер-

ждая характеристику, данную ему П.П. Перцовым⁸ и относящуюся к первому десятилетию литературной карьеры поэта: «Надо отдать справедливость Бальмонту: ... в личных отношениях он не проявлял никакого высокомерия или рисовки. Напротив того: трудно было встретить такого приятного, предупредительно-приветливого человека, глубоко преданного литературе, идеалистически настроенного и скромного, всегда готового признать чужую заслугу. Бальмонт портился с годами, литературные и жизненные успехи избаловали его: появился капризный тон, нотки самовлюбленности и самопоения» [23. С.198-199]. Однако мы не чувствуем их в письмах к К.Ф. Некрасову.

Без сомнения, заинтересованный в работе⁹, в первом письме поэт не оговаривал гонорара, а просил сообщить его, подчеркивая, что если он устроит обоих, то переводчик решится отдать издателю еще и «замечательную драму современного молодого бельгийского поэта Кроммелинка “Ваятель масок”», уже публиковавшуюся пару лет назад в символистском журнале «Весы». Из-за скорого своего отъезда Бальмонт просил ответить «телеграфически».

Дружелюбное, но вполне «деловое» послание, изящно отпечатанное на портативной машинке, завершала хорошо теперь знакомая по факсимеле подпись «К. Бальмонт». Оставаясь неизменной до конца переписки, она будет сопровождаться все более сердечными дополнениями, знаменуя меняющийся стиль отношений.

Уже второе, декабрьское, письмо Бальмонта, посланное из Пасси [парижский адрес поэта – Г. М.], красноречиво свидетельствовало: К.Ф. Некрасов расположил к себе адресата не только выгодными условиями печатания «Доктора Фауста» и «Ваятеля масок», но и деликатной манерой общения.

⁴ Джон Вебстер – английский драматург 17 века. «Белый Дьявол» и «Герцогиня Амальфи» – едва ли не самые знаменитые из его пьес. Первая – с большим художественным тактом раскрывает любовь женщины к человеку, стоящему ниже ее по общественному положению, которому она к тому же первая говорит о своих чувствах и которого поднимает до себя. Вторая – изображает женщину порочную, но сильную и гордую сознанием своего умственного превосходства. Признано, что живостью и реалистичностью письма Д. Вебстер напоминает здесь своего современника У. Шекспира.

⁵ Юргис Казимировач Балтрушайтис (1873-1944) – поэт-символист, писавший на литовском и русском языках; прекрасный переводчик и ближайший друг Бальмонта.

⁶ Как свидетельствует каталог издательства, названные произведения К.Ф. Некрасовым не печатались [17]. Нет свидетельств и того, что намерения Бальмонта были исполнены.

⁷ Кристофер Марло (1564-1593) – английский драматург, предшественник У. Шекспира; его трагедии отличает богоборческий пафос, освобождение личности от аскетической средневековой морали.

Увлеченный творчеством К. Марло, Бальмонт восклидал в одном из стихотворений: «В нем бывший Фауст более велик, Чем позднее его изображение...» [3. С. 195].

⁸ Петр Петрович Перцов (1868-1947) – известный критик, публицист, искусствовед, поэт и книгоиздатель, редактор религиозно-философского журнала “Новый Путь”.

⁹ Было время, когда молодой поэт соглашался «охотно и без денег» присылать стихи и переводы в “Новый Путь” [23.С. 415]. Позже он, досадуя, замечал: «...Писатель также не может без платы за свой труд и за проявления своего дара, как Дон-Кихот, – [не] быть добрым странствующим рыцарем. Дон-Кихоту пришлось не раз очень трудно в этом тернистом вопросе» [3. С. 250]. Гонорары долго огорчали Бальмонта.

Попросив прощения за очередную задержку с ответом, вызванную отсутствием «свободной минуты», Бальмонт, не скрывавший приятного удивления, слегка сетовал на то, что К.Ф. Некрасов не называл «хотя бы проблематичную сумму вознаграждения», предоставив право определить ее самому переводчику. «Мне показалось по тону Вашего письма, что Вы не издатель в определенном и весьма неприятном смысле, а что с Вами возможен вполне человеческий разговор», – писал Бальмонт. И коротко перебирал другие вопросы, рассчитывая, что К.Ф. Некрасов не взыщет за «сухую торопливость» необходимого информирования.

О Вебстере, несмотря на настойчивую просьбу издателя, договариваться не стал, так как через несколько недель уезжал в Индию и Австралию: «Вернусь – переведу, что нужно будет. Не обману. Касательно же Марло (которого, кстати, я взялся бы еще охотнее воссоздать целиком на русском языке, ибо он не только изумительный поэт ..., но и замечательная личность), я нахожу, что вполне справедливо мне получить по 100 руб. за действие ..., но, так как я переводил его не для Вас в частности и драма уже была напечатана, я согласен на ... 2.000 экземпляров ... с уплатой мне 300 рублей». Уточнял, что драма, в которой нет деления на действия, по объему представляет собой произведение не в 5, как, вероятно, решил К.Ф. Некрасов, а в 4 действия. За 2.000 экземпляров «Ваятеля масок» просил 150 руб. («не хотелось бы 200»), поскольку должен уплатить («не юридически, а по долгу чести») Кроммелинку, как это было и раньше, часть своего вознаграждения. Торопил адресата ответить до середины января, пока он еще в Париже [10. Л. 3-4].

Как видим, скрупулезность, оправданная в деловых переговорах, не мешала доверительности и экспрессии вполне «человеческого разговора».

Следом, в ответ на согласие издателя, в Ярославль летела телеграмма: «PROCHU BEZOTLOJNO KORREKTOR = BALTHMONT» [10. Л. 5].

Перед отъездом поэт успел отправить К.Ф. Некрасову по-своему примечательное письмо: не слишком тяжелая завеса официального слога была сдвинута, о чем говорили раскованно-дружеские элементы недлинного обращения, оттенявшие пафосный аккорд в

конце: «Посылаю “Ваятеля масок” в рукописи. ... Вы попросили бы кого-нибудь из московских Ваших знакомых, и Вам выслали бы печатный лист («Весы», 1909, №5). Мой экземпляр кто-то... стащил. Если найду, пришлю. Но во всяком случае и с рукописи можно набирать корректуру. Одну, и “Ваятеля”, и “Фауста”, прошу непременно мне прислать. Я верну ее подписанной к печати на другой же день. ... Верую в то, что наши отношения деловые вырастут в настоящее сотрудничество» [11. Л. 1].

В конце декабря, в самом преддверии нового 1912 г., в «Голосе» появилась статья с названием «Поэт Бальмонт в Ярославле». Она была редакционной выборкой из публикации в московской газете «Утро России», сделанной на основе частного письма Бальмонта и приуроченной к 25-летию его литературной деятельности [24. С. 3]. Малоизвестные сведения автобиографического характера, относившиеся ко времени первых печатных выступлений поэта, изобиловали впечатляющими подробностями.

Так, в 1885-1886 гг., в период окончания Бальмонтом гимназии во Владимире, в одном из номеров «Живописного обозрения» были помещены три стихотворения: два его собственных («Горечь муки», «Пробуждение») и одно переведенное из Ленау¹⁰ («Прощальный взгляд»), потом вошедшие в ярославский сборник 1890 г. Любовь к Ленау поэт сохранил на долгие годы, тогда же в страстном поклонении ему и Гейне черпал уверенность, что если сам сумеет сосредоточиться и работать, то от него услышат «нечто незаурядное».

Едва заметным шагом к далекой еще славе явилось и следующее: в 1888 г. знакомый Бальмонта, известный каракозовец Петр Федорович Николаев, двадцать лет проживший в Сибири, а теперь вернувшийся в родной Владимир, предложил юноше место редактора в некоем журнале «Эпоха» («эфемериада» ..., умершая на своем первом номере), а заодно перевод с немецкого очерка Брандеса¹¹ о Шелли. «Со страхом, мучением

¹⁰ Николаус Ленау (1802-1850) – австрийский поэт; в романтической лирике и поэмах отразил настроение революционной интеллигенции.

¹¹ Георг Брандес (1842-1927) – датский литературный критик, выступал за правдивость и реализм литературы.

и наслаждением очерк этот, им сокращенный, я перевел, и он был напечатан в «Эпохе», – писал Бальмонт, позволяя себе вспомнить и более раннее увлечение Шелли, обеспечившее ему успех и важное для формирования его литературных приоритетов¹².

Вспоминал поэт и недолгое пребывание в Ярославле, городе ему не совсем чужом, если учесть, что его мать родом отсюда [11. Л.1-2].

«Уволенный» из Московского университета за участие в студенческих беспорядках, он в 1889 г. поступил в Демидовский юридический лицей, желая поскорее закончить курс, «ибо уже потерял год».

Тут же должен был сознаться, что не мог заставить себя заниматься науками, «зато жил, истинно и напряженно, жизнью своего сердца», много читал и переводил любимых поэтов. «Несколько этих переводных стихотворений, – уточнял Бальмонт, – было мною послано в “Пантеон литературы”¹³ и там напечатано, о чем я узнал случайно в лицейской библиотеке в один из тех трех-четырёх разов, когда я смог принудить себя зайти в Демидовский лицей».

Скромно оценивал свой вышедший в Ярославле сборник (только 5-6 стихотворений счел теперь достойными внимания) и завершал рассказ признанием: «Вскоре после выхода в свет этой первой моей книги я на целый год был прикован к постели¹⁴, а встал с таким запасом энергии, что в течение одного лета изучил три иностранных языка настолько, что получил возможность читать на них с медленностью, но и с удовольствием. Тут уж начинается настоящее вступление в литера-

туру, сотрудничество в “Русских ведомостях”, в “Артисте”¹⁵, переводы для разных изданий, писание стихов, весь путь, уже известный» [24. С. 3].

Нужно добавить, что ярославский «Сборник стихотворений» 1890 г., содержащий мотивы гражданской скорби, «песни сумерек и печали», Бальмонт издал на собственные деньги и, не получив за него ничего, кроме насмешек товарищей-студентов, сжег тираж, как когда-то почитаемый им Н.А. Некрасов.

Из жизненной передраги, из огненной этой купели юный Бальмонт, дерзнувший творить и к тому призванный, вышел окрепшим. Еще одним подтверждением являются слова, написанные поэтом долгие годы спустя и, подобно стихам, возвышающие пережитое: «Мои первые шаги в мире поэтическом, вы были осмеянными шагами по битому стеклу, по темным острокрайним камням, по дороге пыльной, как будто не ведущей ни к чему. ... Благословение моего вечера за это прекрасной Мелитте и моим товарищам. Когда на твою святыню посягают и близкие твои становятся твоими врагами, в душе, наделенной зачатками силы и дара, вырастает такая железная воля, вспыхивает такой неугасимый костер, что малая силочка становится мощью» [3. С. 247-248].

Возмужавший дух питал творчество. Следующий, вышедший в столице сборник «Под северным небом», которому были предпосланы строчки Ленау «Божественное в жизни всегда являлось мне в сопровождении печали», открывался славословием смерти: «Не верь тому, кто говорит тебе, что смерть есть смерть: она – начало жизни» [9. С. 276]. Сгоревшие стихи дали жизнь новым, в которых воспаряли в высокое небо Икар и Феникс.

Так небольшая газетная статья естественно и просто соединяла в сознании читателей прошлое и настоящее победно расправившего крылья поэта, рождением и неизбывной любовью накрепко связанного «с срединной Россией, с Верхневолжским краем», грустная красота которого трепетала в

¹² Первыми обратили на себя внимание переведенная Бальмонтом поэма Шелли «Мимоза», напечатанная в «Вестнике Европы», а в «Артисте» – стихотворение «Цветок» [3. С. 249].

¹³ «Пантеон литературы», как и «Живописное обозрение», был петербургским художественным журналом. Небезынтересно отметить, что издавался он доктором философии, литератором и журналистом Ф.А. Ко-ни.

¹⁴ В результате личной драмы во имя «красивой Мелитты» [имеется в виду первая жена поэта Л.М. Гарелина – Г. М.] Бальмонт «чуть не простился навсегда с Землей»: он выбросился с третьего этажа дома и получил серьезные увечья [3. С. 324]. Историю эту позже сам изложил в рассказе «Воздушный путь» («Русская мысль», 1908, № 11). Поэтизируя случившееся, писал в стихотворении «Воскресший»: «...прикоснувшийся к земле, я встал с могуществом Антея» [3. С. 23-24].

¹⁵ «Русские ведомости» – одна из крупнейших российских либеральных газет, издавалась в Москве. «Артист» – московский художественный журнал; в состав редакции входил Ф. Сологуб.

его стихах, а литературным крещением – с Ярославлем.

Конечно, образованные и культурно восприимчивые ярославцы и прежде не были лишены нравственного и эстетического общения с автором ставших знаменитыми книг и властителем дум молодежи¹⁶. Но К.Ф. Некрасов приближал Бальмонта несколько лет, как «чужестранца», к землякам, делал актуальным для них его отдалившееся, но не утратившее энергии творчество. И в жизнь поэта возвращался Ярославль, который когда-то казался ему «интересным, но мрачным», несмотря на золото многочисленных куполов и серебряный разлив Волги.

В феврале 1912 г. письмо Бальмонта пересекло Атлантику и принесло трогательное признание в адрес «многоуважаемого и дорогого Константина Федоровича»: «Да, мне перед отъездом было послано несколько радостей, и одна из них – наше заочное знакомство .... Жаль, что в виду торопливости сроков – [секунды хлестали меня звонкими бичами!] – работать уже более не можем. Я был бессилён прочитать корректуру “Фауста”, и хотя внимательно прочел “Ваятеля”, сомневаюсь в верности своего глаза. Но ведь Вы прокорректируете обе вещи!» [11. Л. 3].

Обращает на себя внимание «бытовая», чуть артистически подправленная форма самооправдания и просьбы не только рассчитывающего на понимание, но и уверенного в нем человека.

Здесь же, преодолевая деловитость «договора» («прошу прислать мне, по отпечатанию, по 30 авторских экземпляров в Пасси на

¹⁶ Ярким доказательством «гегемонии» Бальмонта являются слова В. Ходасевича, поэта нового поколения и литературного критика: «Я вспоминаю прозрачную весну 1902 г. В те дни Бальмонт писал “Будем как солнце” – и не знал, что в удушливых классах 3-й московской гимназии два мальчика: Гофман Виктор [будущий исследователь языка литературы – Г. М.] и Ходасевич Вячеслав читают и перечитывают, и вновь читают и перечитывают всеми правдами и неправдами раздобытые корректуры скорпионовских “Северных цветов”. Вот впервые оттиснутый “Художник-Дьявол”, вот “Хочу быть дерзким”, которому еще предстоит стать пресловутым, вот “Восхваление Луны” <... И несколько лет прошли для меня “под знаком Бальмонта”» [26. С. 4]. Добавим и признание А. Белого, вспоминая свои гимназические годы: «...В безбрежности» становится моей любимой книгой; с этого момента я уже не пропускаю ни одной строчки Бальмонта» [5. с. 239, 240]. Без сомнения, были молодые поклонники поэта и в Ярославле.

имя жены Екатерины Алексеевны»), не скупясь на слова, Бальмонт благодарил издателя за «присланные своевременно деньги»: «Если мне они были кстати, Кроммелинку они были более чем необходимы. Он был у меня перед моим отъездом. Несмотря на покровительство Верхарна¹⁷, его сильно травят. Очень любопытная фигура».

Чуть приоткрыв мимоходом тайну европейской литературной «кухни», удовлетворенный началом сотрудничества Бальмонт напоследок предлагал (без обиды с его стороны, если не получится) переиздать перевод “Баллады Рэдингской тюрьмы” О. Уальда и заканчивал мысленный диалог с Некрасовым коротким воспоминанием о Ярославле. Как-то вдруг родился вопрос-догадка: «А Вы не родственник Н.А. Некрасова?».

Для корреспонденции «путешественник» указывал адрес: «South Africa, Cape Town, Post office». И тут же делал приписку, как это бывает в непринужденных посланиях близким: «Еду вдоль берегов Испании, далеко от суши. Через 2 ½ дня буду в Тенерифе. ... Жму Вашу руку. Преданный Вам Бальмонт» [11. Л. 4]. На передней стороне плотного конверта красовалось: «PLYMOUTH RAQUEBOT FEB 22 12 A».

Издательская тактика К.Ф. Некрасова, его просветительские интенции проявились в том, что, предваряя выход «Ваятеля масок» и «Фауста», в марте 1912 г. в двух номерах «Голоса» была опубликована объемная статья авторитетного петербургского ученого Ф.Д. Батюшкова¹⁸ с названием «Поэзия К.Д. Бальмонта. К 25-летию деятельности» [4. С. 3]. Это была очень яркая реплика в критическом дискурсе о Бальмонте, тем более значимая для ярославцев, что хорошая репутация и большой тираж газеты обеспечивали ей широкое внимание. Публикация проясняла, уточняла известный образ поэта, позиции его критиков.

С уважением к неискушенному в тонкостях вопроса читателю, но не упрощенно,

¹⁷ Эмиль Верхарн (1855-1916) – известный бельгийский поэт, стоявший, наряду с Метерлинком, во главе новой французской поэзии; драматург, писатель по вопросам искусства и видный общественный деятель.

¹⁸ Федор Дмитриевич Батюшков (1857-1920) – историк всеобщей литературы, литературный и театральный критик, приват-доцент Санкт-Петербургского университета и редактор журнала «Мир Божий»; внучатый племянник поэта К.Н. Батюшкова.

исследователь разбирал творчество Бальмонта, начиная как раз с тех лет, на которых остановился сам поэт в упомянутом биографическом экскурсе. Тезисы аргументированного изложения вводились в историко-литературный контекст и, вобрав в себя уже существующие оценки, достигали уровня итогового обобщения. При этом читатель вовлекался в живой разговор, ощущал столкновение мнений и мог идентифицировать себя со сторонниками или оппонентами автора.

Сообщение отдельных положений статьи позволит нам взглянуть на нее глазами получателей «Голоса».

Ф.Д. Батюшков начинал с утверждения: час появления на поэтическом небосклоне звезды Бальмонта был счастливой необходимостью. Русская поэзия переживала тяжелый кризис – результат неблагоприятных для ее развития доктрин позитивизма, утилитаризма, односторонне понятого рационализма и того реализма, который отождествлял действительность с обыденностью. Агония началась характерным «вырождением рифмы», оскудением метров, преобладанием безнадежных по своей банальности общих мест в стихотворениях и утратой всех специфических качеств стихотворной речи как таковой: музыкальности, ритмичности, сжатой образности индивидуально пережитых форм выражения. Только «муки слова» Надсона сулили близкую зарю.

Бальмонт начал писать с конца 80-х гг. Сперва едва заметный, неохотно признаваемый, он развернул свои дарования как раз в тот момент, когда пророчили смерть поэзии в стихах. На тезис о «вырождении рифмы» он ответил не просто обилием, а целой оргией рифм; на замечание о том, что поэты «опрозаивают» стих, он выставил ряд удивительных поэтических опытов, придав стиху новую силу и изумительный блеск. Чтобы совершить чудо возрождения, он должен был порвать с непосредственными предшественниками и ближайшими традициями, примкнуть к новым, более отдаленным источникам, а главное – выявить свою индивидуальность в ему одному присущих формах, и так он стал родоначальником новой школы поэтов.

Автор останавливал внимание читателя на такой восхищающей и эпатажирующей подчас ценности бальмонтовской поэзии, как виртуозность стихосложения. Обращаясь к

скептикам из среды знатоков, он настаивал, что это не формальный признак поэзии Бальмонта, что просто выработать ее невозможно, немислимо без внутренних качеств органической природы поэта. В качестве аргумента приводил мысль покойного И.Ф. Анненского, заметившего, что «редкий поэт так свободно и легко решает самые сложные ритмические задачи и, избегая банальности, в такой мере чужд и искусственности, как именно Бальмонт»: его язык – это наш общий поэтический язык.

Отводил критик и обвинение поэта в тотальном стремлении к избранности. Бальмонт, когда этого хочет сам, понятен и общедоступен, несмотря на всю изысканность его стиха; достигает не раз классической простоты и правильности языка и мог бы стать поэтом для всех, если бы не раннее и умышленное его обособление под кричащими партийными лозунгами модернизма. Партийность всегда несколько отпугивает непосвященного, кажется ограничением права на истинное, особенно в проявлениях чисто культурной деятельности, должной объединять всех во имя чего-то высшего и незыблемого.

В поэзии Бальмонта есть и зерно вновь открытой, но устойчивой, вечной истины. Он сумел доказать, что поэзия – это мечта, греза сердца, деятельность воображения, которому нет и не должно быть границ, хотя, настаивая не без задора на ирреальности и аморальности искусства, ему пришлось нагромоздить целый ряд отпугивающих и даже, в изолированном виде, чудовищных заявлений вроде тех жупелов, которые наводят страх на неискушенные души.

Все это, по словам критика, леса для постройки. Наивностью было бы понимать буквально те признания художника, которыми он утверждал лишь одно положение: искусство не ведает ни добра, ни зла; оно воплощает лишь различные переживания и состояния; его объектом в равной мере может быть и святой, и палач, и белый ангел, и демон-искуситель, творец зла. В поэзии Бальмонта, как и в природе, есть и то, и другое. Слагая восторженный гимн природным стихиям, он только отстаивает родную стихию – поэзию, ее свободу от дидактики и всяких общественных пут.

Бальмонт причислял себя к символистам и действительно был им. Но его опреде-

ление символизма, ясное, меткое и простое, часто забывалось. «Символизм, – писал Бальмонт, – это поэзия, в которой органически, не насильственно, сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и отвлеченная красота» (то есть реально правдивое изображение). Несмотря на скрытый смысл того или иного символического произведения, непосредственное конкретное его содержание всегда закончено само по себе, оно имеет в символической поэзии самостоятельное существование, богатое оттенками.

У Бальмонта символизм естественный, природный, вытекающий из свойств его поэтической организации. Ф.Д. Батюшков напоминал, что этот вид поэзии возродился в новое время, но сам по себе он древен как мир, присущ и народной поэзии в ее элементарных зачатках, что он сосуществовал с проявлениями реального искусства в разные эпохи, что бессмертную славу ему составил Данте в средние века и что к нему же обратился Гете в период зрелости искусства. Символизм так же вечен, как реализм, являясь лишь особой формой поэтического мышления и творческих переживаний. Он зависит от свойств природы поэта, но, конечно, поддерживается, становится преобладающим течением в зависимости от разных исторических условий.

В их анализ критик намеренно не вдавался, но подчеркивал, что Бальмонт вышел победителем в начатой им партийной борьбе, и нынче не нужны больше те жупелы, которые служили ему орудием самозащиты, не нужны кричащие, подчас вычурные заглавия, он отвоевал себе место – и это не позиция сектанта, поэтического отщепенца, чурающегося общего признания, дабы не потерять дорогих ему откровений: он в мир пришел, чтоб видеть солнце...

От «преимуществ формы» автор переходил к содержанию поэзии Бальмонта, желая опровергнуть тезис о ее антисоциальном характере, опасности и пагубности по своему безразличию к добру и злу, по inferнальности, культу откровенного эгоизма и нездоровому любопытству к пороку во всех его проявлениях. Он отмечал, что моралисты, социальные реформаторы ополчились против очень многих утверждений «стихийно безразличного поэта», но всех больше съезжился в своем футляре добродетельный буржуа. А Бальмонт смело обнажал собственные «яз-

вы», ибо кумир его – свободный человек, способный судить себя: «У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из них, образующих одного, должны быть беспощадно ввергнуты в огонь». Символ очищающего огня не покидает поэта.

Бальмонт, заключал пишущий, не мнит себя Учителем и наставляет только в одном: будьте искренни, будьте собой – но ведь это правило не ново. И было бы самой большой несправедливостью утверждать, что поэт *проповедует* безнравственность, разнузданность страстей, в том числе и антиобщественных. К нему применимы слова Ш. Бодлера, одного из любимых им поэтов: «Ты павший в пропасти, но жаждавший вершин».

Статья не могла оставить безучастным читателя, для которого «литературный семинар» на газетной полосе, превращавший его в субъекта новейших гуманитарных штудий, вовсе не был редкостью. Больше того, усилиями газеты, адаптировавшей современную культуру, дававшей критические ориентиры, воспитывался читатель, способный из разных явлений общественной жизни, в том числе и литературной, составить единую семантическую цепь, различить в ней смысловые акценты отдельных высказываний и их переключку.

Частью литературного контекста стали поэтические переводы Бальмонта. Они оказались в числе первых книг, выпущенных К.Ф. Некрасовым¹⁹, создававших его издательскую репутацию.

¹⁹ Увидевшие свет почти одновременно «Ватек» У. Бекфорда в переводе Б. Зайцева с предисловием П. Муратова и 4 наброска Ж. де Нерваля («Сильвия – Октавия – Аврелия – Изиды») в переводе Е. Урениус и вступительной статьей все того же П. Муратова вызвали интерес, восторженные отклики и беззлобные пересуды в художественных кругах.

О «Ватек», присланном ему К.Ф. Некрасовым, лестно отзывался В. Брюсов. С. Ауслендер писал в «Речи»: «В России эта благоуханная книга появилась в виде вполне достойном, она изящно издана. Перевод сохранил аромат и классическую простоту источника. Очень интересна вступительная статья П. Муратова. <... Эта маленькая, потерянная и вновь найденная книжка должна занять по всем правам принадлежащее ей место среди фолиантов переводной литературы классиков» [17. Л. 12 об., 13]. Л. Кацман добавлял о Нервале: «Удивительно тонкой свежестью и душевной чистотой веет от этих страниц – давно забытым ароматом наивности и веры, хотя веры, отравленной сомнением почти наших дней» [17. Л. 13 об.].

На появление «Ваятеля масок» откликнулись «Русские ведомости». Свой критический этюд рецензент «Ю.В.» начал утверждением, в котором одобрение только угадывалось. Так, он отмечал, что имя бельгийского драматурга Кроммелинка ничего не говорит русскому читателю, да и в Бельгии ему не было до сих пор посвящено обстоятельных разборов. А между тем «Le sculpteur de masques» – оригинально задуманное, полное трагизма произведение, которое действует сильно.

Обнаруживая завидную осведомленность, прельстительную для знатоков, пишущий вспоминал о парижском дебюте этой маленькой пьесы и указывал на литературную традицию, к которой она восходит, несмотря на упомянутую оригинальность. Оценивая, он прибегал к элементам пересказа мелодраматического сюжета, полного недоговоренностей, символов; отмечал, что в пьесе есть несколько по-настоящему значительных мест, но слишком много внимания уделяется «кошмарному», а отдельные детали, даже из числа наиболее существенных, производят впечатление вычурности и погони за необычными эффектами.

Специально о мастерстве перевода в рецензии не говорилось, если не считать скудных слов критика об отрывистых фразах, точно передающих лихорадочный шепот, вызванные страхом возгласы, нервное напряжение прерывистой речи, свидетельствующих о блистательной... отделке стиха поэтом и, может быть, о «щеголянии рифмами, ритмом, созвучиями» [17. Л. 12, 13].

Было очевидно, что переведенная Бальмонтом «вещица» принесла в Россию дыхание европейского декаданса, но не добавила нового штриха к портрету поэта-переводчика, хотя и возвращала его имя на полосы русских газет, в литературный «обиход».

О «Фаусте» в одном из декабрьских номеров «Русской мысли» писал московский исследователь литературы Борис Грифцов. И он не делал предметом обсуждения перевод, сохранивший силу главных сцен «Фауста», а полемизировал с Бальмонтом-теоретиком, имевшим свою точку зрения на источник и образ, не утративший притягательности для

современников. Но особо заинтересованного адресата критик видел в специалисте: «Появление “Фауста” Марло по-русски, бесспорно, важно для историка литературы, который пожелал бы изучить вопрос о генезисе форм трагедии Шекспира или о истоках “Фауста” Гете. ... Нельзя не согласиться с К.Д. Бальмонтом, который, сравнивая во вступительной статье трагедию Марло и поэму Гете, указывает на некоторые преимущества первой, несмотря на то, что “трагедия Марло ограниченнее по содержанию мозаичной поэмы Гете”». Можно не принять следующей за этим мысли Бальмонта: «но это не ограниченность бедности». Трагедия Марло, конечно, бедна и элементарна по чувствам. Но эта упрощенность и дала возможность выразить дух трагичности, утерянный среди необозримой сложности мыслей Гете».

Прибегая к тексту, рецензент старался быть убедительным, а завершал анализ апелляцией к новому театру, для которого, по его мнению, был бы высокомерным отказ от представленного Бальмонтом старинного материала, возвращающего зрителя и актера, «растерявшегося в подробностях и деталях психологии» признанной гетевской постановки, к вековым линиям человеческой судьбы» [17. Л. 14-14 об.].

Репрезентированные таким образом книги начали путь к своему читателю.

А в феврале 1913 г. вернувшийся во Францию Бальмонт отправил К.Ф. Некрасову приветливое послание со словами признательности за письма («доставили истинную душевную радость»), с обещанием «покинуться личной беседой» в скором времени в Москве. Делаем вывод: К.Ф. Некрасов, сам немало разъезжавший, писал Бальмонту во все время его путешествия в Австралию. И теперь ответил сразу, как подтверждает помета, сделанная им на присланной из Парижа страничке.

В мае же 1913 г. в результате амнистии к 300-летию дома Романовых Бальмонт, наконец, оказался на Родине. Московские друзья сообщили К.Ф. Некрасову об этом событии. П. Муратов писал: «Вчера встречали Бальмонта, было дьявольски трогательно» [22. С. 215]. Ему вторил П. Сухотин²⁰: «При-

²⁰ Павел Сергеевич Сухотин (1884-1935) – прозаик, поэт и драматург, историк литературы, исполнял обязанности секретаря редакции журнала литературы и

хал Бальмонт. Честь ему воздали, хлопали и беседовали с полицией – все как водится» [19. Л. 6 об.].

Однако эта встреча стала лишь эпизодом в культурной хронике Москвы, жившей далекими от поэта волнениями и тревогами.

К концу мая К.Ф. Некрасов получил письмо из имения Плесенское Нара-Фоминского уезда Московской губернии, где Бальмонт пребывал «в глухом углу, в лесу», так напомиравшем ему детство и контрастировавшем со столичной суетой. Поэт нуждался в дружеском участии, подтверждении привязанностей, и ни в содержании, ни в тоне его письма не было ничего официального, «делового»: «Дорогой Константин Федорович, очень хотел бы получить от Вас несколько строк. Напишите, что Вы и где Вы. Вас мне недоставало в числе лиц, обрадовавшихся моему приезду в Россию. ... Может, приедете ко мне как-нибудь дня на два? Нужно только предупредить заранее, дабы я не отлучился куда-нибудь. Смутно мне в России. И горестно. Больше боли, чем радости. Жму Вашу руку. Преданный Вам К. Бальмонт» [12. Л. 3].

Состоялась ли эта встреча в Плесенском или другом, московском, доме, в кругу общих знакомых, неизвестно. Но следующее письмо Бальмонта из Сходни Николаевской железной дороги содержало, кроме выражения приязни, и попытку возобновить деловые контакты, обусловившую сочетание одинаково естественной открытости и сдержанности в изложении: «Многоуважаемый и дорогой Константин Федорович, давно хотел я Вам написать, но слышал, что Вы уехали в Персию. Теперь мне передают, что Вы вернулись и на днях будете в Москве. Я очень хочу Вас видеть и надеюсь, что Вы мне тотчас дадите знать о своем приезде. Я с неделю еще пробуду здесь, – в Москве же мой адрес всегда можно будет узнать в Брюсовском переулке, д. Андреевых, где с вами также хотела бы видеться Екатерина Алексеевна.

Обращаюсь к Вам с литературным предложением, которое, думается мне, Вас заинтересует. Я посылаю вам несколько океанических сказок и очерков. Они будут дополнены еще, приблизительно десятью сказками и очерками общего характера о по-

линезийской расе и Полинезийских островах .... Книга может быть иллюстрирована воспроизведением Океанических типов, искусства, утвари, оружия и т.п. У меня есть хорошая коллекция изображений и вещей.

Не пожелаете ли Вы издать эту книгу, и какие условия вознаграждения могли бы Вы мне предложить? Пожалуйста, решите и назначьте сами.

С нетерпением буду ждать ответа. Итак, до письма, – до свидания, – и до взаимных рассказов о причудливых краях.

Преданный Вам К. Бальмонт...» [12. Л. 6].

Предложенные поэтом-путешественником материалы не были приняты К.Ф. Некрасовым к изданию, как и ранее присланный перевод драмы Гуннара Гейберга «Главный выигрыш». Переписка, не поддержанная общим делом, на время прервалась.

Зато оживился наполненный обычными в ходе производства книги хлопотами (верстка, корректура, гонорар и прочее) диалог издателя с Екатериной Алексеевной Бальмонт²¹, в переводе которой готовилась «повесть» Константа «Адольф»²² с приложением двух глав из произведения Фагэ «Политики и моралисты XIX века».²³

Начатая в 1912 г., переписка эта продолжалась в 1913 и 1914 гг., вплоть до выхода «Адольфа» в свет. Надежду на встречи в Москве, делу способствовавшие, пришлось оставить: диалог разворачивался на фоне начавшейся войны. Письма в Ярославль приходили из имения Ладыжино близ Тарусы Калужской губернии, где обосновалась семья Бальмонта. Екатерина Алексеевна, обычно сдержанная и корректная, писала 6 октября 1914 г., сменив

²¹ Случай в издательской практике К.Ф. Некрасова не исключительный: в разное время с ним сотрудничали И.М. Брюсова и Е.С. Урениус, жена П.П. Муратова. То, что образованные и деятельные женщины получали возможность творческой самореализации, было весьма привлекательным моментом в деятельности ярославского издателя.

²² Бенжамен Анри Констан де Ребек (1767-1830) – французский писатель и публицист. «Адольф» – психологический роман, герой которого – один из первых образцов романтического «сына века».

²³ Эмиль Фагэ (род. в 1847г.) – французский критик и историк литературы. Известен своей эрудицией, живостью изложения и его сравнительной объективностью. Три серии его очерков, озаглавленных «Politiques et moralists du XIX siucle» пользовались большой популярностью и были переведены на русский язык.

искусства «София», издававшегося К.Ф. Некрасовым под общим руководством П. Муратова.

«Уважаемый Господин Некрасов» на «Многоуважаемый Константин Федорович»: «...10 дней назад забыла обо всем на свете. Никогда не была так неаккуратна».

Работа над книгой, несмотря на трудности, была вовремя завершена. Последовательная в своем интересе Екатерина Алексеевна в марте 1915 г. обратилась к К.Ф. Некрасову уже из Брюсовского переулка с очередным лаконичным посланием (среди ее корреспондентий много открыток). Она предлагала издателю перевод «Дневника» («*Journal intime*») Констан – произведения, являющегося, по ее мнению, замечательным дополнением «Адольфа». Характеризуя эту книжку как непревзойденную по искренности исповедь, фрагменты которой публиковались по-французски, но неизвестны по-русски, Екатерина Алексеевна рассуждала практически, используя завуалированный комплимент и намек на конъюнктуру: «Вы, может, знаете его? Вышел в 1895, а написан в первых годах 19 века ... Было бы своевременно выпустить его, т.к. в 1916 году исполнится сто лет выходу “Адольфа” ... Ответьте возможно скорее...» [15, 16].

К.Ф. Некрасов сделал иной выбор. В июле 1915 г. ему корреспондировал Бальмонт, временно проживавший на станции Лесной городок Брянской железной дороги: партнерские отношения были возобновлены изданием сборника стихов «Ясень». Поэт испытывал подъем, война не отразилась на характере его творчества²⁴, и в успехе книги он не сомневался. «А так как она является завершающим звеном длинной цепи, возникшей ровно 25 лет назад в Ярославле, – добавлял Бальмонт, – считаю то, что Вы издаете “Ясень”, таинственным и предназначенным» [13. Л. 3].

Подкупающие вибрации живого голоса редко нарушали теперь ровный вежливый тон делового общения: «Мне нравится выбранный формат ... и бумага, но не шрифт. Нельзя ли ... выбрать буквы несколько более узкие и простые, и чтобы *t* не походило на *ш*. Будьте добры прислать мне 2-3 образца».

²⁴ В «Ясене» поэт напишет:

*Когда кричит сова и мчит война
Потоки души, одетых разным телом,
Я, призраком застывши онемелым,
Гляжу в колодец звезд, не видя дна* [3. С. 178].

Отвечая на вопросы издателя и типографии, поэт уточнял детали договора, оставаясь немногословным и строгим, признаться, несколько более ожидаемого: «Стихи, конечно, должны набираться не сплошь, а как в рукописи: каждое на отдельной странице.

О вознаграждении. Я получаю в “Скорпионе” не по 15%, а по 20% с экз. Я не считал бы справедливым получать за “Ясень” по 15%. Не настаивая, безусловно, на 25-и, думаю, что на 20% я имею все внутренние права, и об этой цифре *прошу*. Сроки: 200 теперь, 200 по выходе, 200 через 1 ½ месяца по выходе.

Равно прошу 40 экз. авторских. Корректуру держу сам и не задерживаю ее [Помним, что были и исключения – Г. М.]. Это, кажется, все».

В конце тон мягкого диктата уступает место просьбе прислать со сверстанными листами сборника что-нибудь из осуществленных К.Ф. Некрасовым художественных изданий: некоторые из них Бальмонт видел еще за границей «урывками».²⁵

В самом конце июля, не получив, видимо, вестей от К.Ф. Некрасова, Бальмонт повторял в новом письме сказанное о шрифте, добавлял, что об обложке к «Ясеню» хлопочет сам, а когда «рисунок возникнет», пришлет его в Ярославль. Напоминал о присылке художественных изданий, что приятно подчеркивало его личную заинтересованность и внимание к альбомам московской литературной элиты. В конце просил по возможности ускорить переправку корректур и заканчивал шутивно: «Равно буду обрадован и солнцезвездным золотом, хотя бы в лике асигнаций» [13. Л. 7].

Война, лишившая всякой активности многих более опытных издателей, начинала сказываться и на деятельности Некрасова. Но, преодолевая препятствия, он не утрачивал творческой воли. С задержками или без таковых готовились и выходили в свет «Усадьба Ланиных» Б. Зайцева; сочинения Каролины Павловой в редакции и с примечаниями В. Брюсова и его же поэтический сборник «Семь цветов радуги»; собрание стихов Аполлона Григорьева со вступительной статьей и при-

²⁵ Речь идет об изданных большим форматом художественных альбомах «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле» и «Храм Ильи Пророка в Ярославле» – о выходе последнего было уже объявлено в газетах [20].

мечаниями А. Блока; богато иллюстрированное исследование икон из коллекции художника И.С. Остроухова, выполненное П. Муратовым; подготовленный им же совместно с искусствоведом А. Анисимовым альбом «Фрески церкви Федора Стратилата» и другие книги.

В сентябре 1915 г. еще продолжалась работа Бальмонта над корректурами «Ясеня», но обеспокоенный поэт, обращаясь к Некрасову, пытался предупредить ставшие реальностью типографские сложности: «...Очень Вас прошу не отказаться набрать теперь же всю книгу целиком. Уж не обманите ожидания сердца!» [13. Л. 8, 8 об.]. Книга благополучно выйдет в 1916 г.

А в октябре 1915-ого Бальмонт приехал в Ярославль, где в зале губернского земского управления состоялась его встреча с любителями поэзии. Он прочитал лекцию «Поэзия как волшебство», закончив выступление своими стихами. Ярославцы, вопреки заботам и тяготам военного времени, спешили приобрести билеты, которые продавались свободно в музыкальном магазине «Мир» и стоили недорого («от 60 к. до 3-х р.») [21].

Через несколько дней в «Голосе» появился отклик на это событие. Н. Ашукин²⁶, отметив предварительно, что для пришедших лекция Бальмонта была «радостным праздником», называл его «одним из самых любимых поэтов», обильно цитировал стихи, обращаясь и к фрагментам из «Записных книжек»²⁷ Бальмонта. Рассуждая о «волшебстве» поэзии, которому была посвящена лекция («если можно назвать таким словом ... приятный узор мысли поэта»), корреспондент признавался, что чувствует трудность, почти невозможность передать его в кратких чертах. И все-таки основное содержание публикации было попыткой пересказать вдохновенные,

будоражащие воображение размышления поэта о гармонии звуков природы и поэтической речи со ссылками на Пушкина, Эдгара По, Фета, что усиливало популяризаторский характер обращения к читателю.

Высказывались и разбухшие лекцией, имевшей успех и вызвавшей долгие аплодисменты, некоторые сомнения пишущего: «...Не знаю, были ли всем близки мысли поэта? Случайно в перерывах мне удалось услышать отрывочные разговоры. Они невольно заставили меня вспомнить слова самого Бальмонта из книги “Морское свечение” ...: «Поэтам с ребяческой невинностью непременно хочется всех людей сделать Поэтами».

Приятно думать, что среди ярославцев людей, тяготеющих к прекрасному, способных на высокие чувства и благородные порывы, было немало. Вот только один из примеров. Немного времени спустя все тот же Н. Ашукин в очередной газетной заметке сообщал, что на литературном вечере, устроенном ярославским студенческим комитетом по оказанию помощи жертвам войны, собралось много народа. Известный искусствовед Я. Тугенхольд выступил с лекцией «Душа ребенка как мотив искусства», а граф А. Толстой прочел законченный отрывок из нового романа «Егор Обозов». Оба выступления, особенно же толстовская «манера чтения, чуждая всякой аффектации, доставили большое наслаждение слушателям». Последнее, третье, отделение было отдано «местным силам». «И, – отмечал Н. Ашукин, – совершенно неожиданно оказалось, что у нас в Ярославле есть группа лиц, не только любящих поэзию, не только умеющих выразительно читать стихи, но и обладающих даром творчества» [21].

Такова была «обратная связь», фактом которой можно считать и следующее. Рецензент «Голоса» П. Полянов, напутствуя вышедшую в 1915 г. книжку молодого ярославского поэта В. Королева, отмечал несомненный талант последнего, заявившего о себе ритмом, музыкальностью стиха, свободно идущей из души мелодией. Замечал, кстати, что изящная форма роднит его со знаменитыми современниками – Бальмонтом, Блоком, Северяниным... И тут же советовал следовать их правилу – искать свой путь к душе и сердцу читателя: «Блок и Бальмонт дороги нам не

²⁶ Николай Сергеевич Ашукин (1890-1972) – литературовед, библиограф; ближайший соратник ярославского издателя; сегодняшнему читателю известен как автор книги крылатых слов и исследователь жизни и творчества Н.А. Некрасова.

²⁷ Несколько коротких прозаических этюдов 1904 г., включенных поэтом в предисловие к полному собранию сочинений. Здесь Бальмонт размышлял о философии мгновения, популярной в среде символистов, которые видели в ней теоретическую основу импрессионизма в искусстве; о сути символической поэзии, о природных стихиях как жизненных началах, созвучных лирическому ощущению Бальмонта [3. С. 325-326].

звоном чеканных строк, а чем-то большим» [25. С. 4].

Вневременная природа творческих контактов позволяет уже сейчас вспомнить горчинкой приправленные слова М. Цветаевой, которые она скажет в 1920 г. в связи с юбилейным чествованием поэта в Москве: «Среди всех, кто любит стихи Бальмонта, много ли таких, кто слышит в них еще нечто, кроме красивых слов, приятных звуков» [29. С. 32].

Корреспондент ярославской газеты, несомненно, был среди тех, кто «слышал» поэта и призывал к этому других. Так при участии Бальмонта в Ярославле формировалась среда с определенными культурными притязаниями и созидательным потенциалом.

Возможно, помня успех своей лекции, Бальмонт в июне 1916 г. обратился к К.Ф. Некрасову с инициативой переиздать «книжечку “Поэзия как волшебство”». Она уже издавалась «Скорпионом», имела читательский спрос, так что менее чем в полгода тираж был раскуплен почти весь. Не забыл спросить, как расходуется «Ясень», и высказал надежду получить книгу В. Брюсова. А пожелав всего лучшего, «жал руку» и «с уважением» откланивался.

Согласия не последовало. Трудное время все-таки заставило К.Ф. Некрасова принять трудное решение: он сворачивал издательские дела. Точный по обыкновению, он осуществлял обязательные выплаты. В апреле 1916 г. из Владивостока отбывающий в Японию Бальмонт сообщил ему коротким письмом, что вернется к 15 мая, и просил «телеграфически» перевести оставшуюся часть гонорара за «Ясень», интересовался, как он «идет» и добавлял: «Я радуюсь на его лик...» [13. Л. 2-2 об.].

Судьба повела поэта «другими путями», а в Ярославле внимательно прислушивались к резонансу, вызванному появлением на поэтическом рынке новой книги Бальмонта.

В рубрике «Литературный субботник» московская газета «Утро России» поместила рецензию В. Ходасевича, ностальгический отрывок которой мы уже использовали (См. прим. 16). Пафос развернутого высказывания, самим автором названного «короткой заметкой», заключался в следующем: много лет Бальмонт радовал и огорчал почитателей его поэтического гения. Как о первой любви, о нем трудно говорить спокойно и беспристра-

стно. Соглашаясь с большинством литературных критиков, что творчество поэта не всегда равноценно, В. Ходасевич настаивал на его цельности, спаянности глубочайшим внутренним единством – это одна большая книга²⁸. Бальмонт из всей своей поэзии создал настолько обособленный и внутренне закономерный мир, что оценка каждой частности этого мира должна быть подчинена общей оценке, которая еще, может быть, преждевременна, поэтому вряд ли есть смысл отмечать наиболее и наименее удачные стороны «Ясень».

Критик заканчивал слово о Бальмонте мощным мажорным аккордом: «Его поэзия стала частью той действительности, в которой мы живем, она входит в тот воздух, которым мы дышим. Мир без Бальмонта был бы для нас не полон. Бальмонт стал частью не только моей биографии, но и вашей, читатель, – даже в том случае, если вы думаете, что поэзия не играет в вашей жизни большой роли» [26. Л. 2-2 об.].

В петроградской газете «День» выступил В. Пяст, попенявший исследователям на невнимание к собственно языковому аспекту стихов Бальмонта: «По прирожденной несклонности поэтов к кропотливой научной работе и по природному отсутствию у непоэтов способности проникать в тайны поэтической техники, у нас до сих пор не сделано ни одной обстоятельной сводки тех, хотя бы, приобретений в области языка..., которые вносит в сокровищницу поэзии такой преобразователь ее, как Бальмонт».

С жаром ученый доказывал, что неповторимая поэтическая личность, одетая в «прихотливую пленительность вольностей своего языка» глядит почти с каждой страницы новой книги Бальмонта, что сама эта книга, «свежая, красивая, содержательная и звонкая», временами возвращает читателям потерянного было поэта «Горящих зданий» и «Только любви», лучших страниц «Будем как Солнце» и «Литургии Красоты», очаровавшего и увлекавшего поэтическими откоро-

²⁸ Поэт и сам заявлял об этом как о творческой программе еще в 1904 г.: «От книги к книге, явственно для каждого внимательного глаза, у меня переброшено звено, и я знаю, что, пока я буду на Земле, я не устану ковать все новые и новые звенья и что мост, который создает моя мечта, уходит в вольные манящие дали» [3. С. 263].

вениями в незапамятную пору «дореволюционной эпохи».

Говоря, что Бальмонт выучил читателей следовать «течению строк», чувствовать и ритмическую силу стиха, и «неслышанную переливчатость, вводимую в мерную череду размера», автор много цитировал, побуждая перебирать вместе с ним пленительные строчки и в результате, отрешившись от шероховатостей, увидеть в приводимых стихотворениях квинтэссенцию словаря Бальмонта, его звукового обихода, выразительных средств. Явной становилась после такого прочтения книги прежняя вдохновенность поэта – «покрытые туманом прошедшего снеговые кручи» [18. Л. 9].

Сложившийся унисон нарушал рецензент «Московских ведомостей» М. Астахов. Делая резкий акцент на неравноценности стихов в новом сборнике Бальмонта (талантливые соседствуют с «изломом» и «вычурой» – звонкими, но бессодержательными фразами), корреспондент сам прибегал к усложненной образности, наделял поэта двумя крыльями – царственной птицы и жалкого воробья²⁹. А воскликнув «Как попадают “воробьиные” стихи в печать?», делил ответственность между «захваленным невзыскательным поэтом» и издателем, не забыл и «неумеренных господ критиков», привыкших смотреть на каждую «вздорную и бессмысленную пустяковину» как на шедевр [18. Л.11-12]. Критика уступала место сенсационной публицистике.

Гармонизирующим выглядело высказывание К. Липскерова, отмечавшего, что в новой книге Бальмонта, в общем вполне характерной для его последнего периода, есть стихи, достойные лучших его книг, и одновременно напомнившего: чтобы быть большим поэтом, мало обладать гением, – надо еще владеть талантом мастера, и Бальмонт, писавший некогда, что «необходимо известным образом связать себя, чтобы быть истинно свободным», не может не сознавать этого.

²⁹ И у не знакомых с прецедентным текстом (автор ссылаясь на старую пародию) образы могли порождать богатые ассоциации. Например, «жалкий воробей» – символ немощи, неспособности подняться высоко; говорят: «ни один воробей не пролетит над горой». «Царственная птица», орел, – символ безграничной небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия, посланец богов. Данте в Раю изобразил орла, который состоит из многих светлых душ.

Но, следуя по все расширяющимся и восходящим путям своих космических вдохновенных (по путям, которые дано только угадывать), поэт все более и более утрачивает связь со строгим словом, тяготеющим его, как пути [18. Л. 10].

Сегодня эти слова напоминают такое же давнее рассуждение Ю. Айхенвальда о необходимости внушить Бальмонту, успешно привившему себе необычайность, намеренно ушедшему «из-под того северного неба, под которым пел когда-то более простые и более русские песни», «правила эстетической экономии» и самодисциплины [1. С. 69-73]. Легко монтируются они и с размышлением М. Цветаевой о единственной собственности «беспутных» – пути, «тропинкой, вырастающей под ногами и зарастающей по следам» [29. С. 29].

Но это о пути «воздушном», возвышенном, или вдохновенном. К следам же земного, вдохновлявшего поэта пути мы можем припасть, как и сам он припадал мысленно, когда, навсегда покинув Родину, писал в 1925 г. в далеком Париже: «Там, в родных местах, так же, как в моем детстве и юности, цветут купавы на болотных затонах и шуршат камыши, сделавшие меня ... своими вещими шепотами поэтом, которым я стал, которым я был, которым я буду, которым умру». Там Волга, «там везде говорят по-русски», и, «торжествуя возрождение того, что умереть не может, от храма к храму несосчитанно гудят мои бессмертные колокола» [3. С. 254, 261].

В них под северным небом Ярославля является нам «бальмонтовский перезвон» строк, превращающий историческую горизонталь в вертикаль современности:

*Быть может, дадутся другому удачи
Полней и светлей, чем моя.
Но мир облетел я. И как же иначе
Крылатым ответил бы я?
Я видел всю Землю от края до края –
Но сердцу всех сказок милей,
Как в детстве, та рифма моя голубая
Широкошумящих полей [3. С. 245].*

Библиографический список

1. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей [Текст]: в 2 т. / Ю. Айхенвальд. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1998. – Т. 2. – 288 с.

2. Ашукин, Н. Лекция К.Д. Бальмонта [Текст] / Н. Ашукин // *Голос*. – 1915. – № 243. – 24 окт. (6 нояб.).
3. Бальмонт, К.Д. Созвучные песни [Текст]: сочинения (избр. стихи и проза) / сост., вступ. ст. и примеч. д. филол. н. П. В. Куприяновского и к. филол. н. Н.А. Молчановой / К.Д. Бальмонт. – Ярославль: Верхне-волж. кн. изд-во, 1990. – 336 с.
4. Батюшков, Ф.Д. Поэзия К.Д. Бальмонта. К 25-летию деятельности [Текст] / Ф.Д. Батюшков // *Голос*. – 1912. – № 63. – 16 (29) марта; № 66. – 20 марта (2 апр.).
5. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст]: в 2 т. / А. Белый. – М.: Искусство, 1994. – Т. 1. – 478 с.
6. Белый, А. Начало века. Воспоминания [Текст]: в 3-х кн. / А. Белый. – М.: Худож. лит., 1990. – Кн. 2. – 687 с.
7. Блок, А. Собрание сочинений [Текст]: в 6 т. / А. Блок. – М.: Изд. «Правда», 1971. – Т. V. – 558 с.
8. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс] – 2007 (3 электрон. опт. диска ROM).
9. Брюсов, В. Сочинения [Текст]: в 2 т. / вступит. статья Д. Максимова; сост. Д. Максимова и Р. Помирченко; коммент. Р. Помирченко / В. Брюсов. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 2. Статьи и рецензии 1893-1924; Из книги «Далекие и близкие»; *Miscellanea* – 575 с.
10. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 24. – На 5 листах.
11. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 25. – На 5 листах.
12. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 26. – На 6 листах.
13. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 27. – На 8 листах.
14. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 28. – На 2 листах.
15. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 30. – На 11 листах.
16. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 76. – На 4 листах.
17. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 354. – На 43 листах.
18. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 355. – На 67 листах.
19. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Ед. хр. 256. – На 44 листах.
20. *Голос*. – 1915. – № 234. – 14 (27) октября.
21. *Голос*. – 1915. – № 259. – 12 (25) ноября.
22. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова [Текст] / И.В. Ваганова / вступ. статья, публ. и коммент. И. В. Вагановой // *Лица: Биографический альманах* 3. – М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. – 496 с.
23. Перцов, П.П. Литературные воспоминания. 1890 – 1902 гг. [Текст] / П.П. Перцов / вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 496 с.
24. Полянов, П. Библиография: Владимир Королев. Всем скорбящим. Ярославль. 1915 г. [Текст] / П. Полянов // *Голос*. – 1916. – № 53. – 5 (18) марта.
25. Поэт Бальмонт в Ярославле [Текст]: ред. статья // *Голос*. – 1911. – № 292. – 28 дек. (10 янв.).
26. Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика [Текст]: хрестоматия / сост. А. Г. Соколов. – М.: Высш. шк., 1988. – 368 с.
27. Соколов, А.Г. История русской литературы конца - начала века [Текст]: учебник / А.Г. Соколов. – М.: Высш. шк.; изд. центр Академия, 2000. – 432 с.
28. Ходасевич, В. О новых стихах [Текст] / В. Ходасевич // *Утро России*. – 1916. – № 127. – 7 мая.
29. Цветаева, М.И. Сочинения [Текст]: в 2 т. / сост., подгот. текста, коммент. А. Саакянц / М.И. Цветаева. – М.: Худож. лит., 1988. – Т. 2. Проза, письма. – 639 с.